

Современный мир стремительно меняется, и перспективы этого изменения туманны, а события даже ближайшего будущего (в том числе и личной биографии) предельно неопределенны. Динамика этих процессов существенно «взвинчена» так называемым глобальным финансово-экономическим кризисом, размышления о природе которого носят культурологически окрашенный характер, причем с использованием определенного количества мистической лексики⁶.

⁵ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ.

⁶ В китайской эзотерической литературе существует версия, согласно которой «старт» мирового кризиса был предопределен таинственным

А. П. Марков⁵

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

И это не случайно — у современного кризиса нет видимых объективных причин: не было перепроизводства; не поменялись традиционные показатели благополучия экономики, такие как производительность труда, соотношение спроса и предложения, средняя норма прибыли. Случился кризис доведенной в 1970-е годы до своего совершенства англо-американской монетаристской модели, приоритетами которой были безграничные финансовые спекуляции, сверхконцентрация капитала, несправедливая для большинства населения налоговая система. При этом последняя компенсировалась возможностью жить в долг, для чего и была создана многоярусная система ничем не обеспеченных деривативов — «мыльных пузырей» экономики, доведших человеческую алчность до невысказанных размеров. Не случайно начало кризиса было связано с обвалом ипотечной «пирамиды», который обрушил финансовую систему США, а потом и всего мира.

В политэкономической плоскости причины кризисов подобного рода известны. В качестве примера можно назвать описательную модель глобального экономического смысла, образуемым сочетанием пяти восьмерок, символизирующих *Начало* всемирного триумфа Китая (победой на Олимпийских играх) и одновременно *Конец* западной цивилизации (как известно, Олимпиада была открыта 08.08.08 в 8 часов 08 минут).

кризиса конца XX века, охватившего Юго-Восточную Азию, пик которого пришелся на 1998 год. Его базовой предпосылкой стала сформировавшаяся в XX веке западная система индикаторов и критериев, позволяющая описывать ключевые параметры экономического организма в символической плоскости, игнорируя прямые свидетельства эффективности экономики (в частности, такой классический показатель эффективности, как «затрата труда на единицу продукции»).

Эта виртуальная по своей природе структура экономических показателей и косвенных индикаторов, фиксируемых финансовыми институтами (биржами, банками), со временем стала важнейшей частью инфраструктуры всемирной экономики. С помощью взаимосвязанных контрольных показателей и символов (учетных ставок, курсов национальных валют, квот и т. д.) она была способна давать совокупный «диагноз» экономического «самочувствия» Европы и США. При этом выработанная система критериев позволяла опережать на одну фазу движение волн реальной экономики, предвидя тем самым ее возможные отклонения от нормы и предоставляя информационную основу для корректирующих действий.

Таким образом, сконструированное экономическое зеркало позволяло видеть отраженную опасность чуть раньше, чем она обрушивалась на головы производителей и потребителей (А. Секацкий). В итоге классическая политэкономия сдала свои позиции, и на смену ей пришла макроэкономика — с инфраструктурой экономической диагностики, правилами «виртуальной» экономики, игнорирующими процессы в реальных секторах производства, рекламными «миражами» себестоимости и цены производственного продукта.

Макроэкономическая идеология вначале породила эпоху экономических «чудес» — пресса вдруг заговорила о японском, южно-корейском и других экономических «тиграх». Но в 1998 году «мыльный пузырь» виртуальной экономики внезапно лопнул: в странах Юго-Восточной Азии начался системный кризис модели, который сопровождался разладом в интегральных показателях экономического организма: обвалами национальных валют, падением котировок акций, снижением индекса деловой активности, сокращением потока инвестиций и т. д. Затем кризис перекинулся в Южную Корею, Японию, Индонезию. При этом экономистов поражала немотивированность происходящего. Естественно, причину кризиса усматривали в психологическом факторе, что вполне закономерно: символическая система параметров, фиксирующих состояние экономического организма, не могла исключать такой фактор, как настроения крупных игроков экономических рынков. Следовательно, спроектировать и сотворить экономические деформации могла целенаправленно спровоцированная паника.

Дело в том, что символическое «зеркало» макроэкономики во многом держится на вере и в ситуации малейшего возмущения общественного мнения утрачивает способность адекватно отражать реальность. В макроэкономической модели все показатели начинают «зашкаливать» и «перегорать» как бы сами собой, не столько отражая, сколько опережая и провоцируя собой в реальной системе хозяйствования (по выражению А. Секацкого, макроэкономический термометр «взбесился»). В такой ситуации «лживое зеркало» становится онтологическим фактором, творящим мир реалий.

Период «наркотической» эйфории макроэкономических критериев в экономике пережила и Россия в середине 1990-х годов, который закончился «ломкой» 1998 года (как известно, рубль девальвировался тогда по отношению к доллару в четыре раза).

Сегодня мировой экономический кризис развивается по схожей траектории, хотя масштаб и глубина его несоизмеримы с кризисом 1990-х годов. В связи с этим важно понять и объяснить те глубинные причины, которые ввергли большую часть человечества в состояние неопределенности и необходимости минимизировать свои потребительские запросы, а россиян — в уныние и бесперспективность в связи с непрерывным ростом безработицы, цен и тарифов, невозможностью рассчитаться по долгам, расширением социальной базы депрессивных настроений, которые продолжают стимулировать асоциальные и противоправные формы жизнедеятельности (такие как рост преступности, дальнейшая алкоголизация и наркотизация населения и т. д.). При этом в жанре классических «пьес абсурда» целенаправленно «работает» психологический фактор, стимулирующий такого рода настроения, в том числе среди высших государственных чиновников¹.

Мировоззренческие, ценностно-ориентационные причины кризиса — в экономической модели, истоки которой начали складываться в Западной Европе еще во времена Реформации. Духовный кризис западноевропейской цивилизации XIV–XV веков стал предпосылкой формирования новой идеологии, составившей основу современной западной цивилизации. Мировоззренческая суть Реформации (которая идеологически оформилась в концепции кальвинизма и протестантизма) состояла в ревизии этического идеала христианства, принципиальной корректировке тех ценностей, которые положены в основу Нагорной проповеди.

Структуру нового смысла человеческого бытия и человеческой истории составила новая концепция избранных с ее ценностями богатства и успеха в мирской деятельности («блаженные» стали богатые, успешные, активные, трудолюбивые, творящие мир и преобразующие его в своих целях). Ценностно-ориентационная «формула», которая лежит в основе всей капиталистической цивилизации, убедительна и проста: «Работа — религиозное служение; богатство — критерий богоизбранности». Этот смыслоориентирующий вектор был дополнен механистической картиной бытия, в которой мир рассматривался как пространство человеческой самореализации, а природа — как чуждая человеку среда, которую надо совершенствовать и овладевать ею.

Культурная революция «расчистила» поле для безудержной активности человека — свою избранность человеку теперь надо доказывать все новыми успехами в земных делах. Новый смысл бытия стал основой и источником той потрясающей человеческой энергии и активности, которые сотворили западную капиталистическую цивилизацию. Новые ценности обретали культурную легитимность в западной цивилизации постепенно, начиная с фундаментального философского обоснования (в этом плане показательны работы английского философа-материалиста Томаса Гоббса). Утверждение этих ценностей в качестве цивилизационной основы длилось более двух веков: XVI век был «потрачен» на мировоззренческую революцию, в XVII веке «созревшая» система ценностей породила промышленную революцию, а XVIII век завершился становлением капитализма как цивилизации.

Таким образом, глубинные культурологические причины современного финансово-экономического кризиса коренятся в духовном надломе западной цивилизации,

¹ Мы помним, как министр финансов, вероятно посчитав, что россияне слишком оптимистично смотрят в будущее, пообещал, что снижение роста ВВП будет продолжаться и еще лет пятьдесят нам не придется ждать лучшей жизни. Это заявление, как известно, было сделано за день до массированного размещения государственных ценных бумаг. Хочется верить: не ведают, что творят.

которому предшествовал отказ от базовых морально-нравственных основ христианства. Реформация, открыв дорогу капитализму, поставила западного человека перед главным искушением Антихриста — сытостью. И человек, предварительно «обработанный» и мировоззренчески подготовленный, этого испытания не выдержал, что нашло выражение в предельно антихристианской, языческой идеологии общества потребления, которая в качестве реальной основы западной цивилизации окончательно оформилась во второй половине XX века. Ее неотъемлемыми атрибутами стали успех, богатство, материальное благополучие, погоня за статусами.

В Россию потребительская идеология пришла с большим опозданием — лишь в 1990-е годы, породив при этом невиданные парадоксы стиля жизни новых русских, а также «гримасы» малообеспеченных слоев населения, копирующих образ жизни своих кумиров. К сожалению, у общества не оказалось социального иммунитета против этой псевдоэкономической (а на самом деле социальной и духовной) «чумы», которая парализует общество почти два десятилетия.

Следует отметить, что свою фатальную роль в утверждении потребительской идеологии в «новом времени» сыграла русская интеллигенция, которая — впервые в русской истории! — потребительство, спекулятивный капитализм и погоню за статусами возвела в принцип, «освятив» теорией и своим авторитетом¹ (но эта тема может стать предметом особого исследования).

Возвращаясь к культурологической проблематике финансово-экономического кризиса, следует подчеркнуть, что все ключевые ценности общества потребления в определенной мере культурно оправданы в структуре человеческого бытия. Речь идет об их гипертрофии, когда обладание той или иной ценностью становится целью и смыслом жизни:

- стремление постоянно наращивать качество потребления формирует потребительскую зависимость — худшую из возможных зависимостей по своим формам проявления и последствиям для человеческой души;

- повышение любой ценой материального благополучия рождает невиданные масштабы отвратительной алчности, а последняя — атмосферу постоянного страха потерять (страх на почве алчности — это базовый «человеческий» фактор финансово-экономического кризиса);

- рационализация человеческих отношений и нравственных качеств, в том числе добра и сострадания, которые в системе пиар-акций пересчитываются на дивиденды от приращенного имиджа или бренда, ведет к системной деградации человеческой духовности;

- успех как жизненный смысл «распирает» человеческую гордыню и «кормится» ею. Не случайно в хри-

¹ В рамках здравого смысла перспективы оздоровления экономики минимальны. В частности, в Институте экономики РАН прошла презентация доклада «Задачи для будущего президента», в котором академики развеяли миф о необычайных экономических достижениях России в 2000–2008 годах и представили собственную программу для страны на 2008–2016 годы. Говоря о перспективах России на 2008–2016 годы, докладчики пришли к выводу, что системные проблемы развития страны «поставили вопрос о пересмотре проводимого в стране социально-экономического курса». По их мнению, за последнее десятилетие власть не смогла воспользоваться благоприятной мировой конъюнктурой. Экономика не смогла диверсифицировать и не сумела обеспечить развитие своих высокотехнологичных секторов. Не была решена задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики. Мелкий и средний бизнес не получил ни правовой, ни экономической основы для цивилизованной конкуренции. А крупные производства и целые сегменты экономики в результате приватизации получили монопольное положение на рынках и снизили свою эффективность. По словам академика РАН Н. Петракова, власть и общество оказались перед сложнейшей дилеммой: проведенная приватизация стала тормозом для экономического развития, а возврат в исходную точку уже невозможен. К очевидным провалам этих двух десятилетий можно отнести рост социального неравенства: в 2000 году доходы самых богатых превышали доходы самых бедных россиян в 14, а в 2007 году — уже в 16 раз.

стианстве гордость является одним из смертных грехов (наряду с сребролюбием, чревоугодием, завистью, злопамятностью, гневом, отчаянием) и считается «исчадием помянутого ума»;

- массовое поклонение золотому тельцу (мамоне, как писали наши соотечественники в конце XIX — начале XX в.) разрушает основу нравственности, делает человека готовым принести в жертву материальному благополучию самое дорогое — семейное счастье, сострадание к ближнему.

На последних двух факторах разрушения ядра христианской цивилизации следует остановиться отдельно. Поклонение мамоне и культ гордыни создают идолов «свободы», несут неумеренность в жизни плотской и равнодушные к духовной сфере. Не случайно Христос обращает внимание учеников на то, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Поклонение мамоне есть не просто культ денег — это сущностное перераспределение духовной и психической энергии, когда в погоне за богатством, деньгами, славой распалются все человеческие страсти и бессмысленно растрачиваются невозполнимые человеческие ресурсы — время и энергия, когда суетное стремление к почестям «пожирает» энергию души и сердца. Культ денег, наживы, стяжательства — базовый фактор деградации мира. Жажда богатства сужает спектр человеческих интересов, делает его сознание легко манипулируемым.

Концептуально и культурологически убедительно символическую «миссию» денег обосновал Жак Аттали в своей программной книге «Линии горизонта»², где он описывал грядущую третью эру — эру денег, которые становятся универсальным эквивалентом всех ценностей, в том числе духовных. Новый порядок, по его мнению, завершится наступлением мессианской эры космополитизации человечества. Формой глобального общества станет кочевничество, которое определит образ жизни, культурный стиль, форму потребления. В таких условиях деньги станут еще и формой тотального контроля: «Магнитная карточка станет... подлинным протезом индивидуальности, его полноценным заместителем, неким искусственным органом, являющимся одновременно паспортом, чековой книжкой, телефоном, телефаксом и удостоверением. Магнитная карточка станет подлинным “протезом Я” человека, открывающим ему доступ к универсальному Рынку». Горе тому, кто будет лишен денег и кто угрожает мировому порядку, человек «будущего» утратит возможность выбора: либо стать молекулой общества, либо быть из него исключенным. Наверное, не случайно деньги в этой концепции становятся главным фактором порабощения человеческой свободы — величайшей ценности христианства³.

Такого рода сущностное перерождение духовного ядра христианской культуры стало основной причиной мирового финансово-экономического кризиса. Можно иначе сказать: культура своими средствами пытается вернуть мир в границы добра, справедливости, милосердия, духовности — тех базовых ценностей, вне которых человек теряет свой образ и подобие. В экономическом плане это

² Жак Аттали — известный деятель глобализма, член Бильдербергского клуба, бывший советник президента Миттермана, до 1993 года — директор Европейского банка реконструкции и развития.

³ Не случайно ростовщичество в русской культуре всегда подвергалось осуждению. В. П. Рябушинский в своей книге «Русский хозяин. Статьи об иконе» (написана в 1920-е гг.) отмечал, что православный хозяин, уважая богатство, не считает и бедность признаком божьего гнева, но осуждает ростовщиков. В народном сознании наибольшим почетом пользовались заводчики и фабриканты, на втором месте были купцы, ниже всех стояли люди, занимавшиеся коммерческим учетом, «процентщики». Западный человек веру в свое «божественное предопределение» сочетает с убеждением, что материальное благополучие есть признак праведности и угодности Богу. Отсюда — неудержимое желание разбогатеть любыми средствами, в том числе путем ростовщичества.

означает реабилитацию труда как сферы личной самореализации, утверждение человека-творца, по своим задаткам созидающего и в меру потребляющего, — человека, исповедующего национально-культурную укре-

ненность и моральную ответственность как за результаты своего творения, так и за свое земное призвание, которое он может осуществить лишь на двух земных поприщах: в любви и труде.